

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.141

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-6-12

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ: ОБЫЧНОЕ ПРАВО В ПРАКТИКЕ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, 1870–1917 ГГ.)

Аманкаева О. Х.*, **Сердюк А. В.**

*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева
г. Москва, Российская Федерация*

**Корреспондирующий автор, e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.09.2025

После доработки 06.10.2025

Принята к публикации 18.10.2025

Аннотация

Цель. Изучение феномена горских словесных судов как ключевого института легализации и трансформации обычного права (адата) в правовой системе Российской империи на Северном Кавказе.

Процедура и методы. Основной метод исследования – историко-правовой. Проведён анализ архивных материалов, законодательных актов и дореволюционных этнографических сборников.

Результаты. Показано, что суды, формально применявшие адат, на практике создавали гибридную правовую реальность – «судебный обычай».

Теоретическая и/или практическая значимость. Судебный обычай рассматривается как стратегический инструмент имперского управления, обеспечивавший интеграцию региона через контролируемое признание и модификацию местных правовых норм. Основное внимание уделяется процедуре вынесения решений, выявлению механизмов селекции норм адата и анализу конфликта интерпретаций между имперской администрацией, носителями традиции и исламским правом (шариатом).

Ключевые слова: горский словесный суд, обычное право, адат, правовой плюрализм, Российская империя, Северный Кавказ, судебная практика, судебный обычай

Для цитирования:

Аманкаева О. Х., Сердюк А. В. Правовой плюрализм в действии: обычное право в практике горских словесных судов (Северный Кавказ, 1870–1917 гг.) // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 6–12. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-6-12.

Original research article

LEGAL PLURALISM IN ACTION: CUSTOMARY LAW IN THE PRACTICE OF THE HIGHLAND VERBAL COURTS (NORTH CAUCASUS, 1870–1917)

O. Amankaeva*, **A. Serdyuk**

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author; e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru*

© CC BY Аманкаева О. Х., Сердюк А. В., 2025.

Received by the editorial office 14.09.2025

Revised by the author 06.10.2025

Accepted for publication 18.10.2025

Abstract

Aim. To study the phenomenon of Highland verbal courts as a key institution for the legalization and transformation of customary law (adat) in the legal system of the Russian Empire in the North Caucasus.

Methodology. The main research method is historical and legal. Analysis of archival materials, legislative acts and pre-revolutionary ethnographic collections was carried out.

Results. The authors show that courts that formally applied adat in practice created a hybrid legal reality that is a “judicial custom.”

Research implications. A judicial custom is examined as a strategic instrument of imperial governance, ensuring regional integration through the controlled recognition and modification of local legal norms. The focus is on the procedure for adjudication, identifying the mechanisms for selecting adat norms, and analyzing the conflicting interpretations between the imperial administration, traditionalists, and Islamic law (Sharia).

Keywords: Highland verbal court, customary law, adat, legal pluralism, Russian Empire, North Caucasus, judicial practice, judicial custom

For citation:

Amankaeva, O. Kh. & Serdyuk, A. V. (2025). Legal Pluralism in Action: Customary Law in the Practice of the Highland Verbal Courts (North Caucasus, 1870–1917). In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 6–12. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-6-12.

Введение

Интеграция Северного Кавказа в административно-правовое пространство Российской империи во второй половине XIX в. представляет собой сложный процесс, в котором стратегия прямой инкорпорации общеимперских правовых норм сочеталась с тактикой адаптивного использования местных правовых институтов. Одним из наиболее ярких проявлений последней стало создание в 1870 г. системы горских словесных судов в Терской и Кубанской областях. Эти суды, в компетенцию которых входило разрешение гражданских и части уголовных споров между горским населением на основании народных обычаев, стали уникальным примером имперского правового плюрализма.

Целью данного исследования является комплексный анализ практики применения обычного права (адата) горскими словесными судами. Поставлена задача выявить не декларированные, а реальные механизмы работы этого гибридного института, показав, как устные, ситуативные нормы адата трансформировались в про-

цессе их инкорпорации в формализованное судопроизводство. Исследование строится на гипотезе о том, что суды выступали не столько хранителями архаичного обычая, сколько активными сторонниками его модификации, создавая под контролем имперской администрации новую правовую конструкцию – «судебный адат».

Был проведён анализ архивных материалов, законодательных актов и до-революционных этнографических сборников. Источниковая база исследования включает несколько блоков. Во-первых, это законодательные акты, определявшие статус судов: «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» 1870 г.¹ и последующие циркуляры². Во-вторых, ключевое значение имеют архивные материалы,

¹ Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891.

² Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. VII. СПб., 1875. (Содержит циркуляры и разъяснения по применению Временных правил 1870 г.); Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868–1881. (Содержит записи адатов, материалы переписки администрации).

прежде всего из фондов региональных архивов, таких как Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) и Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), где сохранились отдельные дела и переписки, связанные с деятельностью судов. В-третьих, это опубликованные в дореволюционный период фундаментальные сборники обычного права, составленные такими исследователями, как Ф. И. Леонтович [1] и М. М. Ковалевский [2], которые служат незаменимым источником для реконструкции нормативного содержания адата. Наконец, используются работы современных историков и правоведов (Н. П. Магханова [3], З. Х. Мисроков [4], В. О. Бобровников [5]), глубоко исследовавших различные аспекты проблемы.

Горский словесный суд как институциональный компромисс: законодательные основы и структура

Учреждение горских словесных судов стало результатом осознания имперской администрацией невозможности мгновенной замены вековых устоев местного общества нормами общероссийского законодательства. После окончания Кавказской войны ключевой задачей стало обеспечение стабильного управления, что требовало известного компромисса с традиционными элитами и правовой культурой горских обществ. «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», высочайше утверждённые 18 декабря 1870 г., зафиксировали этот компромисс в правовой форме.

Согласно статьям Временных правил, суды учреждались «для разбора тяжёлых и следственных дел, возникающих между туземцами», на основе «народных обычаев». Их юрисдикция была ограничена: они не могли рассматривать дела о важнейших уголовных преступлениях, а также споры, где одной из сторон выступало лицо некоренного, «русского» происхождения. Более того,

любое решение суда подлежало обязательному утверждению начальником области или уезда, что обеспечивало административный контроль. Эта конструкция явно указывала на подчинённое, вспомогательное положение судов в общей судебной системе.

Ключевым элементом, обеспечивавшим легитимность суда в глазах местного населения, был его состав. Суд состоял из председателя, назначаемого из числа русских офицеров или чиновников, и нескольких судей-«депутатов», избравшихся горскими обществами из числа «почётных и опытных в обычаях людей». Как справедливо отмечал Ф. И. Леонтович [1], именно депутаты, знатоки адата, были реальными носителями правоприменительной компетенции, в то время как председатель олицетворял надзорную и процедурную власть империи. Таким образом, институциональный состав суда изначально закладывал внутреннее напряжение между имперской логикой формального контроля и традиционной логикой авторитета и обычая.

Адат в судебной процедуре: от устной традиции к письменному решению

Практическая деятельность судов предоставляет богатейший материал для изучения живого взаимодействия двух правовых систем. Основным источником права в заседаниях суда выступал неписанный, разнообразный и локально специфичный адат. Его кодификация только начиналась, и судьи-депутаты выступали в роли живых носителей и интерпретаторов традиции. Этот процесс фиксации устного права в рамках формального судопроизводства был, пожалуй, самой значительной трансформацией, которую осуществлял суд.

Анализ доступных архивных материалов и опубликованных случаев из практики судов¹ позволяет выделить основные категории дел, решавшихся на основе адата:

1) *брачно-семейные и наследственные споры*: дела о калыме (у осетин – ирад),

¹ ЦГА КБР Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–4.; ЦГА КБР Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 3.; ЦГА РСО-Алания, Ф. 12. Оп. 3. Д. 1477. Л. 23.

приданом, разводе, опеке над детьми и, что особенно показательно, о наследстве. Применяемые нормы часто резко контрастировали с российским законодательством, особенно в части прав женщин. Например, по адату многих народов вдова имела право лишь на содержание, но не на долю в имуществе мужа, а дочери могли наследовать только при отсутствии сыновей;

2) *имущественные и земельные конфликты*: споры о границах земельных участков, потравках, кражах скота. Здесь часто применялись сложные системы компенсации, уходившие корнями в общинно-родовой уклад;

3) *уголовные дела, допускавшие примирение*: нанесение ран, оскорбление чести, убийства, не относившиеся к разряду важнейших. Центральным институтом было примирение (араб. сулх) через выплату компенсации – платы за кровь (кун), размер которой строго регламентировался обычаем в зависимости от тяжести обиды, пола и социального статуса потерпевшего.

Процедура превращала этот устный обычай в документ. Заседание велось устно (отсюда название «словесный»), но его ход и решение фиксировались письменно в протоколе на русском языке. Протокол, подписанный председателем и депутатами, после утверждения начальством приобретал силу исполнительного документа. В этом акте перевода локальной нормы на язык имперской бюрократии и заключалась суть легализации. Адат, облечённый в форму судебного решения, переставал быть лишь мнением старейшин и становился частью санкционированного государством правопорядка.

Яркой иллюстрацией является характерное дело из практики. В 1884 г. Нальчикский окружной суд (выступавший как апелляционная инстанция) рассматривал жалобу на решение горского словесного суда по делу о кровной мести между двумя кабардинскими фамилиями. Словесный суд, «руководствуясь народным адатом», постановил взыскать с виновной стороны в пользу рода убитого 25 лошадей, 50 голов крупного рогатого

скота и 1 000 рублей серебром. В своём определении Нальчикский суд, не оспаривая применения адата в принципе, указал, что взысканная сумма является «крайне обременительной» и не соответствует «духу смягчения жёстких обычаев», рекомендовав пересмотреть размер компенсации. Этот случай наглядно демонстрирует, как имперский контроль работал не через прямое отрицание адата, а через его коррекцию.

Необходимо признать, что среди всей массы судебных решений особняком стояли решения, связанные с нарушением сложившихся властных устоев. Здесь можно выделить решения, связанные с противодействием российским чиновникам, нарушение паспортного режима, преступления против местных князей. В связи с особым статусом этих нарушений данные дела рассматривались коллегиально, а в зависимости от тяжести последствий и серьёзности проступка материалы передавались во Владикавказский окружной суд [6].

Селекция и модификация: рождение «судебного обычая»

Административный контроль над решениями судов был не единственным механизмом трансформации адата. Более тонким и фундаментальным был процесс внутренней переработки обычного права в ходе его постоянного применения в формализованной процедуре. Повторяясь в схожих ситуациях, решения судов постепенно кристаллизовались в устойчивую, предсказуемую практику. Этот феномен современные исследователи вслед за М. М. Ковалевским определяют как формирование «судебного обычая» [7].

Судебный обычай отличался от традиционного адата несколькими ключевыми чертами:

1) *унификация*: множество локальных вариантов обычая, действовавших в разных аулах и обществах, в практике окружного суда постепенно нивелировались, уступая место более единообразным правилам;

2) *фиксация*: устная, гибкая норма, зависевшая от конкретных обстоятельств и авторитета старейшин, превращалась в фиксированный прецедент, на который можно было ссылаться в аналогичных делах;

3) *рационализация*: имперская администрация, как видно из циркуляров, последовательно проводила линию на искоренение обычаев, считавшихся «противными христианской морали и общегосударственной пользе». Под эту критику попадали не только кровная месть, но и некоторые аспекты семейного права, например, обычай левирата (женильба брата на вдове умершего) или крайне ранние браки.

Таким образом, суд выступал в роли фильтра. С одной стороны, он легитимировал адат, придавая ему государственную силу. С другой – он же осуществлял его селекцию, отсекая или смягчая те нормы, которые вступали в непримиримое противоречие с имперскими представлениями о порядке и справедливости. Результатом стала не консервация архаики, а рождение новой, гибридной правовой реальности, которая была приемлема как для имперской власти (поскольку контролировалась), так и для местного общества (поскольку апеллировала к традиции).

Поле правовых переговоров: адат, шариат и имперский закон

Практика горских словесных судов была ареной не только сотрудничества, но и постоянного соперничества различных нормативных систем. Главными конкурентами адата выступали шариат и в меньшей степени прямое российское законодательство [8].

Конфликт адата и шариата был давним и глубоким. Мусульманское право, в особенности в сфере семейных отношений, наследства и некоторых видов правонарушений, предлагало альтернативную, часто более разработанную и письменную систему норм. Горцы, особенно в Дагестане и Чечне, часто обращались к кадиям (шариатским судьям) параллельно или вместо словесного суда. Российская администра-

ция, опасаясь усиления влияния мусульманского духовенства, сознательно делала ставку на адат как на светское, более гибкое и, как ей казалось, более податливое для модификации право. В инструкциях судам предписывалось руководствоваться исключительно адатом, а не шариатом. Однако на практике полностью разделить их было невозможно, и многие «депутаты» судов были одновременно знатоками и того, и другого.

Конфликт в общеимперском законодательстве носил иной характер. Он возник не на уровне конкуренции юрисдикций, а на уровне ценностных коллизий при утверждении решений [9]. Начальники областей, получив протокол суда, нередко отказывались его утверждать, мотивируя это явной несправедливостью решения с точки зрения российских правовых принципов. Чаще всего это касалось дел о правах женщин и детей. Российский чиновник, воспитанный в духе пореформенного законодательства, с трудом мирился с нормами, фактически лишавшими женщину имущественных прав. Подобные коллизии заставляли суды искать компромиссные формулы, что также вело к постепенной эрозии чистого адата.

Таким образом, суд был не пассивным регистратором обычая, а площадкой правовых переговоров, где сталкивались и взаимно адаптировались три мощных нормативных потока: локальная традиция, религиозный закон и имперские установления.

Заключение

Исследуя вопросы становления российской власти на Северном Кавказе, можно выделить два важных аспекта. Во-первых, Северный Кавказ в тот период представлял собой достаточно неоднородный регион. Обитавшие в нём народы отличались друг от друга в политическом, социальном, экономическом, религиозном и культурном плане. Во-вторых, что немаловажно, хронология и форма присоединения к Российской империи у каждого народа

Северного Кавказа были разными. При наличии этих двух составляющих единого подхода к формам управления в полиэтничном регионе был практически невозможен.

Так, в Дагестане в рассматриваемый период была распространена практика утверждения в должности местной знати актом Его Императорского Величества. Аналогичные тенденции можно наблюдать в Чечне и Ингушетии.

Достаточно динамично в первой половине XIX в. происходило становление российской администрации в Кабарде. Сразу необходимо отметить, что наибольших успехов в плане утверждения своей власти российское самодержавие достигло именно здесь. Любой шаг, связанный с управленческими функциями, решался либо представителями администрации, либо по согласованию с ними. Такая ситуация в Кабарде, на наш взгляд, была вызвана тем, что освоение Северного Кавказа началось именно с равнинной Кабарды [10].

Анализ практики горских словесных судов позволяет сделать несколько выводов принципиального значения для понимания механизмов имперского управления на национальных окраинах.

Во-первых, эти суды были не анахронизмом или уступкой «отсталости» горцев, а продуманным инструментом управляемого правового плюрализма. Империя, признавая адат, не отказывалась от своего суверенитета, а, напротив, укрепляла его, подчиняя местный правопорядок процедурам административного контроля и судебного утверждения.

Во-вторых, результатом деятельности судов стало не сохранение обычного права в неизменном виде, а его глубокая трансформация. Возник феномен «судебного адата» – гибридной правовой формы, в которой традиционные нормы были рационализированы, унифицированы и адаптированы к имперским представлениям о приемлемом. Это был правообразующий процесс, в ходе которого создавалось новое обычное право, уже оторванное от непосредственной устной традиции и встроенное в бюрократическую машину государства.

В-третьих, суды выступали важнейшим механизмом легальной аккультурации. Через ежедневную практику разрешения споров горское население постепенно привыкало к таким имперским институтам, как письменное судопроизводство, апелляция, бюрократическая иерархия. При этом формальная апелляция к адату смягчала восприятие этих новшеств как чуждого насилия.

Опыт горских словесных судов на Северном Кавказе демонстрирует, что успешная интеграция разнородных регионов в составе империи часто достигалась не через грубую унификацию, а через гибкое использование местных институтов, их постепенную модификацию и подчинение общеимперским целям контроля и управления. В этом смысле изучение их практики выходит за рамки сугубо кавказоведческой проблематики, предлагая ценные модели для анализа имперского правового строительства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1, 2. Одесса: Тип. П. А. Зелёного, 1882–1883. 833 с.
2. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, 2. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1890. 594 с.
3. Матханова Н. П. Горские словесные суды в системе управления Северным Кавказом (вторая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 44–50.
4. Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во Московского университета, 2002. 256 с.
5. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
6. Сердюк А. В. Проведение судебной реформы 1864 года на Северном Кавказе на примере Кабарды и Балкарии // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 73–75.

7. Маремкулов А. Н. Принцип справедливости как основополагающий принцип обычного права (на примере народов Северного Кавказа) // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 12. С. 60–62. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_15_60
8. Маремкулов А. Н. Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2024. № 4. С. 18–23. DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23
9. Маремкулов А. Н. К вопросу судоустройства и судопроизводства народов Кавказа в XIX веке (по материалам (актам) полного собрания Законов Российской империи) // *Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова*. 2025. № 1. С. 171–177. DOI: 10.36684/chesu-2025-1-57-171-17
10. Сердюк А. В. Развитие судебной системы на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: РГУП, 2020. 188 с.

REFERENCES

1. Leontovich, F. I. (1882–1883). *Adaty Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1, 2*. Odessa: Type. P. A. Zelenoy publ. (in Russ.).
2. Kovalevsky, M. M. (1890). *Law and Customs in the Caucasus. Vol. 1, 2*. Moscow: A. I. Mamontov's publ. (in Russ.).
3. Matkhanova, N. P. (2016). Highland Verbal Courts in the North Caucasus Management System (Second Half of the 19th Century). In: *Bulletin of Tomsk State University*, 405, 44–50 (in Russ.).
4. Misrokov, Z. Kh. (2002). *Adat and Sharia in the Russian Legal System. Historical Fates of Legal Pluralism in the North Caucasus*. Moscow: Moscow University Publ. (in Russ.).
5. Bobrovnikov, V. O. (2002). *Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence. Essays on the History and Ethnography of the law of Nagorny Dagestan*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (in Russ.).
6. Serdyuk, A. V. (2014). Carrying out the Judicial Reform of 1864 in the North Caucasus on the Example of Kabarda and Balkaria. In: *Gaps in Russian Legislation*, 5, 73–75 (in Russ.).
7. Maremkulov, A. N. (2024). The Principle of Justice as a Fundamental Principle of Customary Law (On the Example of the North Caucasus Society). In: *Agrarian and Land Law*, 12, 60–62. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_15_60 (in Russ.).
8. Maremkulov, A. N. (2024). Temporary Exemptions as a Mechanism for Integrating Customary Law into Russian Legislation in the 19th Century. In: *North Caucasus Legal Vestnik*, 4, 18–23. DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23 (in Russ.).
9. Maremkulov, A. N. (2025). On the Judicial System and Legal Proceedings of the Caucasus Society in the 19th Century (Based on the Materials (Acts) of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire). In: *Bulletin of Kadyrov Chechen State University*, 1, 171–177. DOI: 10.36684/chesu-2025-1-57-171-17 (in Russ.).
10. Serdyuk, A. V. (2020). *Development of the Judicial System in the North Caucasus (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)*. Moscow: RGUP publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманкаева Оксана Хараевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;
e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru

Сердюк Анна Владимировна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева;
e-mail: 89151240202@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana Kh. Amankaeva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;
e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru

Anna V. Serdyuk (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of History of Law and State, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;
e-mail: 89151240202@mail.ru